

На правах рукописи

Инютина Татьяна Сергеевна

**ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
В ДЕЛОВОМ ПИСЬМЕ СИБИРИ XVII ВЕКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГООУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Старикова Галина Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Богословская Зоя Матиновна

кандидат филологических наук, доцент
Щитова Ольга Григорьевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный
университет»

Защита состоится 15 апреля в ____ ч. ____ мин. на заседании диссертационного
совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук
при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050,
г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Том-
ский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Текст автореферата размещен на сайте университета.

Автореферат разослан 13 марта 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547542

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Л.А. Захарова

Реферируемая диссертационная работа посвящена комплексному, многоаспектному исследованию вариативности языковых средств в деловом письме Сибири XVII века.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вариативность – одно из характеризующих свойств всех единиц языка, проявляющееся в разных реализациях их инвариантных сущностей, и языковой системы в целом на разных этапах ее развития. В диахроническом плане вариативность является следствием языковой динамики, контактов языков и диалектов, взаимодействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов [О.С. Ахманова, 1969].

Традиционно, с работ В.В. Виноградова [1944], А.И. Смирницкого [1956] и их последователей [О.С. Ахманова, 1957; Р.П. Рогожникова, 1966; Л.К. Граудина, 1980 и др.], вариантами называются разновидности (модификации) языковых единиц в пределах тождества слова.

Широкое понимание вариантов как «коррелятов с взаимной субституцией» [Л. Ельмслев, 1960] послужило основанием для приложимости теории языкового варьирования не только к собственно уровневым единицам, но и к языку вообще («национальные варианты языков» [А.Д. Швейцер, 1971]) и разным его сторонам, связанным с письменной («графические варианты» [В.Н. Немченко, 1991]) и устной формой существования («орфоэпические варианты» [М.Л. Каленчук, 1990]). Плодотворность такого шага выразилась в формировании самостоятельных лингвистических наук *вариалогии* и *вариантологии* со своими специфическими задачами. Более широкой научной дисциплиной является первая, призванная рассматривать способность языка варьироваться как универсальную сущностную категорию, обеспечивающую динамику его системы. Вариантология, понимаемая «как составная часть вариалогии, а именно: теория о лексических видоизменениях слова» [З.М. Богословская, 2005], изучает результаты языкового варьирования. Разные определения *варианта* не препятствуют совместной разработке теории вариативности вариологами и вариантологами, так как обе дисциплины предполагают деятельностно-динамический подход к исследованию языкового варьирования.

В рамках этой теории свойство языка выражать ту или иную сущностную семантику разными средствами обозначается терминами *вариантность*, *вариативность*, употребление которых в большинстве лингвистических исследований носит синонимичный характер, что отразилось в заглавиях соответствующих статей в отраслевых справочниках [В.М. Солнцев, 1997]. В то же время ряд ученых разграничивают их, предлагая видеть в вариативности онтологическое свойство языка, про-

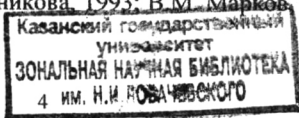
являющееся в изменяемости языковой системы или отдельных ее членов, а в вариантности – результат этого процесса, выражающийся в наличии определенных вариантов в языке [А.Л. Дербилов, Ж.И. Дербилова, 2003; Д.А. Шахбагова, 1992]. Представляя разные стороны одной сущности как процесс и его результат, причина и следствие языковых преобразований, вариативность и вариантность не только вызываются, но и ограничиваются социолингвистическими и системно-языковыми факторами, что обеспечивает актуальность исследования их проявлений для разных этапов развития языка, разных его подсистем и сторон.

Так, в аспекте связи языка и общества, влияния на язык экстралингвистических условий выделяют социолингвистическую вариативность (вариантность): региональную [Ф.П. Филин, 1966; Н.А. Лукьянова, 1966; Л.И. Баранникова, 1971; О.И. Блинова, 1975; Е.В. Иванцова, 1994; Н.А. Баланчик, 1998; З.М. Богословская, 2005 и др.], текстуальную [Л.П. Жуковская, 1969; А.А. Алексеев, 1988 и др.], индивидуальную [Е.В. Иванцова, 1994; З.М. Богословская, 2007 и др.], подразумевающую вариативность социолектов, гендерную, возрастную и др.

По типу обусловленности выделяют структурную, семантическую, прагматическую (коммуникативно-прагматическую, социопрагматическую, семантико-прагматическую) и т. д. вариативность (вариантность), рассматривая ее типы в зависимости от сферы проявления варьирования. Ученые говорят о графической [Р.В. Бахтурина, 1963; Н.И. Тарабасова, 1982], орфографической [Н.Д. Голев, 1997; Е.М. Хакимова, 2007], пунктуационной [Н.С. Бабенко, 1996], фонетической [Н.С. Коткова, 1982; А.П. Майоров, 2007], орфоэпической [М.Л. Каленчук, 1990], морфологической [Е.Н. Иваницкая, 1969; Е.И. Колосова, 2005], словообразовательной [С.А. Емельянова, 1972; А.Я. Алексеев, 1981], лексической [А.Д. Васильев, 1982; Г.А. Титова, 2005], фразеологической [Л.Я. Костючук, 1978; О.В. Праченко, 2004], синтаксической [В.Г. Гак, 1998; А.Н. Чернышева, 2003; В.В. Клепацкий, 2009], номинативной [Л.М. Майданова, 1974; В.М. Никитевич, 1985] вариативности.

Особое место среди проблем языковой вариативности занимают исторические аспекты изучения этого феномена.

Начало диахронной вариалогии положил анализ графических модификаций в древне- и старорусских текстах [Р.В. Бахтурина, 1963; О.В. Творогов, 1966; И.С. Филиппова, 1966, 1974; Б.И. Осипов, 1971; Н.И. Тарабасова, 1982; В.Ю. Безъязыков, 1995 и др.]. Тесная взаимосвязь явлений графики, орфографии и фонетики стимулировала создание работ по выявлению черт живого разговорного языка в деловом письме [С.И. Котков, 1968; В.Н. Рогова, 1980; Н.С. Коткова, 1982; Л.М. Радич, 1984; Б.И. Осипов, Р.М. Гейгер, Т.П. Рогожникова, 1993; В.М. Марков, 2001; И.А. Шушарина, 2005; А.П. Майоров, 2007 и др.].

Достаточно активно на историческом материале исследуется грамматическая вариативность именных частей речи [А.П. Семенова, 1971; Г.М. Михайлова, 1983, 1984; Л.А. Глинкина, 1985, 1998; Т.В. Габлина, 1998; Г.Н. Старикова, 2000; В.М. Марков, 2001; О.Д. Луконина, 2005 и др.], глагольных форм [В.Н. Русинов, 1981; Н.М. Сабельфельд, 1985; Е.И. Колосова, 2005 и др.], словообразовательное варьирование [О.А. Черепанова, 1976; А.А. Аминова, 1977; Н.П. Зверковская, 1986 и др.] – на материале памятников как центральных, так и периферийных регионов.

Основная же часть работ в исторической вариалогии представлена лексическими исследованиями [В.Я. Дерягин, 1973; С.С. Волков, 1974; Л.Г. Панин, 1985; В.В. Палагина, 1986; Н.С. Коткова, 1987; Е.И. Зиновьева, 2000; М.В. Биньковская, 2005; М.В. Овчинникова, 2008 и др.], в том числе репрезентирующими стилистические стратификации номинативных средств [Т.Н. Кандаурова, 1970; А.П. Романенко, 1989; Л.Я. Костючук, 1993; С.С. Волков, 2006; А.П. Майоров, 2006 и др.], что объясняется наибольшей разработанностью теории лексической вариантности.

В большинстве исторических исследований вариантность рассмотрена в каком-либо одном аспекте: системно-структурном [В.Н. Рогова, 1980; А.Я. Алексеев, 1981; Г.М. Михайлова, 1983; В.Ю. Безъязыков, 1995; Т.И. Орлова, 1999; В.М. Марков, 2001 и др.], нормализационном [А.Д. Васильев, 1982; Л.А. Глинкина, 1985; Т.В. Габлина, 1999; М.В. Каравашкина, 1999 и др.], лингвотекстологическом [Л.П. Жуковская, 1969; А.А. Алексеев, 1988 и др.], вероятностно-статистическом [М.А. Агапова, 2009 и др.]. В то же время современная лингвистическая научная парадигма требует разноаспектного подхода к изучению многообразных языковых явлений, в том числе и вариативности. Выражением осознания данной потребности явилось появление в последнее десятилетие трудов, в которых предметом описания становятся разные виды формальных вариантов и высказываются мысли о необходимости комплексного их изучения [Т.В. Кортава, 1998; Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина, 2002; М.Л. Ремнева, 2003; Г.Н. Старикова, 2003; О.В. Павловец, 2005 и др.].

Настоящее исследование представляет практический вариант решения данной исследовательской задачи, предполагающей многоаспектное изучение языковой вариативности делового письма регионального типа и выяснение ее источниковедческих возможностей для нужд диахронной русистики. Особую **актуальность** ему обеспечивают необходимость привлечения новых в жанрово-содержательном плане источников для подобных исследований, отсутствие единства языковедов в определении точного времени окончательного сложения фонетического и морфологического строя русского языка, а также необходимость выявления локальных черт этого процесса.

Реферируемая работа выполнена на широком материале деловой письменности Сибири XVII в., поскольку именно переходные периоды характеризуются мак-

симальным разнообразием формальных языковых средств для выражения той или иной семантики. При этом особую значимость XVII столетие приобретает для вторичных по своему образованию сибирских говоров, что также обосновывает правомерность настоящего исследования.

Цель диссертационного исследования – выявить вариативность языковых средств и разработать аспекты ее изучения на материале памятников делового письма XVII века регионального типа при синхронно-диахронном подходе.

Достижение цели предусматривает решение следующих **задач**:

1. Определить круг памятников делового письма, наиболее информативных для историко-вариалогических изысканий, обосновать критерии для привлечения документов в роли источников подобных исследований.

2. Выявить средства языковой вариативности в памятниках сибирского письма начала и конца XVII в., охарактеризовать типы параллельно употребляемых языковых единиц, определить динамику процесса варьирования в связи со сложением норм делового языка переходного периода.

3. Представить языковую вариативность региональных памятников делового письма как источник для ее комплексного системного описания.

4. Разработать методику авторизации анонимных документов деловой письменности, основанную на анализе употребления вариативных средств в идентифицированных текстах.

Объектом изучения в работе являются варьирующиеся средства языка в памятниках делового письма Сибири XVII века, представленного разножанровыми документами.

Предмет исследования – источниковедческий потенциал варьирующихся языковых средств и особенности его реализации в региональной деловой письменности.

При этом подходе вариантами признаются разновыраженные единицы, характеризующиеся регулярной взаимозаменяемостью, функциональной эквивалентностью в пределах содержательно однородных текстовых отрезков.

Их существование подразумевает наличие формальной избыточности в сфере графики и грамматики (морфологии), создающей возможности параллельных способов выражения некой смысловой сущности. При этом варианты, образующиеся за счет средств графики, в работе называются графическими, за счет средств морфологии – морфологическими (грамматическими) вариантами. Варьирование графического облика слова создается использованием дублетных букв (*збору* [Т. IV: 28] – *зборъ* [Т. IV: 9], *исца* [НД: 15] – *исковые* [НД: 20], *на обе стороны* [Т. IV: 20] – *на обе стороны* [Т. IV: 11 об.] и т. д.) и/или различных типов сокращения лексем (*в*

генварѢ мѣѢ [Т. II: 40] – *мѣца марта* [Т. III: 2]; *приводной члвкъ* [НД: 24] – *торговой человѣкъ* [НД: 68]; *снѣ Юрьевъ* [НД: 93] – *сын боярский* [НД: 24] и др.)¹.

Содержание исследуемых в данной работе документов ограничивает рассмотрение грамматического варьирования, во-первых, морфологическим уровнем, во-вторых, материалом именных частей речи, а именно существительных и прилагательных – в-третьих. К грамматическим (морфологическим) вариантам отнесены случаи колебания имен в роде (*обид* – *обида*, *женишко* – *женишка*), типе склонения (*два рубли* – *два рубля*, с *Данилом* – с *Данилкой*), падежном формообразовании (*того году* – *того года*, *красные* – *красныя лисицы*).

Таким образом, вариативность языковых средств, заявленная в названии работы, понимается как сосуществование и конкуренция языковых элементов разных уровней, дифференциального (знаки графики) и семантического (словозменительные средства), обусловленные фундаментальным свойством языка изменяться, оставаясь самим собой. Данное явление рассматривается в работе в рамках различных подходов: системно-структурного, источниковедческого, кодикологического, идентификационного.

Материалом исследования послужили оригинальные скорописные и опубликованные памятники, составленные в таможенных канцеляриях Сибири XVII века и хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГА-ДА), Государственного архива Томской области (ГАТО) и Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Основными источниками для работы стали рукописные таможенные книги городов Томска (1624–1627 гг.), Кузнецка (1696–1697 гг.) и Якутска (1700 г.). В качестве дополнительного, привлекаемого для сопоставления, явился материал сибирских документов XVII в. Кетского, Нарымского, Тарского, Тобольского острогов, а также ряда других российских регионов.

Общий объем привлеченных к исследованию рукописных текстов – около 2000 листов, печатных – 650 страниц.

Методологическую основу исследования составили труды по теории вариологии, кодикологии, исторической грамматике и лингвистическому источниковедению. В качестве основных в работе используются описательный, сопоставительный и лингвистический методы. Метод лингвистического описания с его приемами сбора, наблюдения, сравнения, статистических подсчетов, обобщения и

¹ При передаче текстов документов современной графикой внесены следующие коррективы: 1) буква «юс-малый» обозначается буквенным символом А; 2) выносные буквы помещены в строке; 3) слова печатаются раздельно в соответствии с современной орфографией; 4) имена собственные употребляются с прописной буквы; 5) знаки препинания вводятся в соответствии с современной пунктуацией.

интерпретации применяется при характеристике вариантных единиц разных видов. Сопоставительный метод использован для сравнения фактов языкового варьирования на разных исторических отрезках, а также в текстах разных писцов. Лингвистический метод с приемами внешней и внутренней критики использован при определении круга памятников, привлекаемых к анализу. Исследование параллельных написаний проводилось с помощью приемов контекстного, дистрибутивного, оппозитивного и корреляционного анализа.

Научная новизна работы заключается в многоаспектном характере исследования вариативности языковых средств в рамках динамического подхода. Комплексный анализ синонимичных формальных средств позволил разработать методику идентификации анонимных документов, эффективность которой доказана практически. В научный оборот вводятся сибирские деловые памятники XVII в., значительная часть из которых ранее не изучалась и не публиковалась. На основе разработанных критериев расширена жанровая база текстов делового письма для историко-вариалогических изысканий.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении некоторых положений исторической грамматики русского языка локальными данными. Представлен значительный по объему сравнительный материал по истории русского языка, в русле кодикологического аспекта продемонстрированы особенности сложения норм сибирского варианта делового письма. Результаты исследования могут дополнить технологию идентификации неподписанных документов (наряду с почерковедческой экспертизой), существующую в текстологии.

Практическая ценность диссертации во многом обусловлена материалом, который впервые вводится в научный оборот: обработанные архивные документы могут стать объектом дальнейшего лингвистического оперирования. Основные выводы работы могут быть учтены в обобщающих работах по истории языка и диахронной вариалогии, использованы при подготовке курсов исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, при разработке спецкурсов по лингвистическому источниковедению и исторической вариалогии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сибирская деловая письменность является полноценным надежным лингвистическим источником для комплексного, многоаспектного изучения вариативности языковых средств при соблюдении определенных критериев отбора памятников: их соответствие жанру, предполагающему стандартные регулярные записи; значительность объема текстов; учет места и времени создания памятника; его авторизация, выявление исполнителей записей.

2. Сибирские памятники делового письма отражают вариативность различных языковых средств, которые характеризуются разной степенью его выраженности. Наибольшее количество разночтений отражены в сфере графики и морфологии источников.

3. Языковая вариативность в статусе источника системного многоаспектного описания включает системно-структурный, кодикологический, идентификационный аспекты. Первый предполагает выявление особенностей ее проявления в конкретных хронологических условиях; второй позволяет выявить территориальные черты сложения нормы в начальный период формирования русского национального языка; третий направлен на решение задачи авторизации анонимных памятников вкупе с приемами почерковедческой экспертизы.

4. Методика авторизации анонимных памятников делового письма, основанная на признании индивидуального характера варьирования, предполагает следующие этапы исследования документов: 1) выявление индивидуальных языковых черт писцов; 2) сопоставительную характеристику особенностей письма подъячих; 3) поиск в анонимных памятниках ярких противопоставленных языковых черт, отмеченных у подъячих, и собственно авторизация.

Апробация результатов работы осуществлялась в докладах и сообщениях на научных и научно-практических конференциях различного уровня: международных: «Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения» (Улан-Удэ, 2004), «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2005), «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (Томск, 2006), «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 2006), «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, 2007); всероссийских: «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2003–2007 гг.), «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» (Соликамск, 2004), «Язык, литература и культура в региональном пространстве» (Барнаул, 2007), «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, 2007); региональных филологических чтениях имени Р.Т. Гриб (Лесосибирск, 2007), а также на научно-методологическом семинаре кафедры русского языка Томского государственного университета (2008 г.).

Содержание исследования отражено в 17 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения. Список литературы включает 266 наименований, источников исследования – 15. В приложении представлены образцы анализируемых рукописных и изданных текстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, определяются объект, предмет, методы и приемы работы, отмечается ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту, определяется понятийный аппарат работы.

В **первой главе «Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII в.: источниковедческий и системно-структурный аспекты»** осуществляется исследование феномена языкового варьирования в традиционном системно-структурном подходе. Практическую часть исследования предваряет раздел **«Источниковедческая база для диахронных вариалигических исследований»**, в котором определяются методологические основы анализа, разрабатываются критерии привлечения памятников к вариалигическим исследованиям.

Поскольку результаты исследования напрямую зависят от источников, на которых оно построено [С.И. Котков, 1980; Л.М. Городилова, 2006], источниковедческий аспект в вариалигических работах имеет принципиальное значение [Л.И. Шелепова, 2003; З.М. Богословская, 2004]. Он предполагает характеристику памятников с точки зрения их пригодности для решения конкретных лингвистических задач и введение в научный оборот новых источников [Л.Ю. Астахина, 2006].

Важнейшим условием привлечения памятников к вариалигическим исследованиям является первичный характер источников: они должны быть рукописными или изданными по лингвистическим правилам. Наиболее информативными оказались памятники регистрационного типа, предполагающие формульность, регулярность, повторяемость записей (таможенные, приходно-расходные книги, описи, росписи товарам, судные дела и т. п.). Однообразие записей способствует более яркому проявлению отступлений от них в графике и орфографии, в номинативных средствах.

Тексты, создаваемые в течение значительного времени одним или несколькими исполнителями, позволяют выявить варьирующиеся средства в письменной практике отдельного подъячего или в деловом языке регионального типа. Разновременные документы одного жанра показывают общие и частные черты динамики сложения делового варианта русского языка того времени.

Привлеченные памятники делового письма Сибири XVII в. вполне соответствуют критериям, изложенным выше. Их лингвистическая содержательность предопределила объект исследования: вариативность графических и морфологических средств. Первая обусловлена отсутствием в XVII в. единообразной системы письма,

избыточностью алфавита, вторая - незавершенностью процессов сложения единых словоизменительных парадигм именных частей речи.

Помимо выявления лингвистической содержательности круга привлекаемых памятников для решения научных задач, в настоящей работе источниковедческий подход подразумевает еще и поиск и разработку аспектов исследования языковой вариативности, которая сама становится лингвистическим источником в следующих разделах диссертации.

Избыточность алфавита, отсутствие систематизированных правил орфографии и кодифицированной грамматики – характерные особенности скорописи исследуемого периода. Они порождали параллелизм формальных (графических) средств выражения языковой семантики и тем самым двигали систему языка к самоупорядочению, поэтому практическая часть главы открывается разделом **«Вариативность графических средств в сибирской деловой письменности»**. Материалом для исследования графики послужили рукописные томские таможенные книги 1624–1625, 1627 гг. (лл. 1–135) и документы кузнецкой таможенной избы 1672–1689, 1702–1703 гг., изданные по лингвистическим правилам (около 60 печатных страниц).

Употребление того или иного знака из двух возможных зависело как от внешних по отношению к графике причин (от выучки писца, традиций русского письма в целом), так и от его позиции в слове, хотя внешне носило бессистемный характер, ср.: *два зипуна* [Т. II: 77] – *четыре зепуна* [Т. II: 78], *Фомке Федорову* [Т. IV: 13] – *Фомка Федоров* [Т. V: 45], *осмину* [Т. III: 4 об.] – *осмину* [Т. III: 5, 5 об.; V: 46] и др. И все же одни из графем являлись более предпочтительными в сравнении со своим аналогом, другие – равноправными, третьи использовались изредка и далеко не всеми писцами.

Например, в томских документах начала XVII в. буква **З** преобладает в большинстве позиций слова, **С** чаще употребляется только перед гласными (*в та~~з~~Ѣхъ* [Т. II: 77], *Никите Кино~~з~~еру* [Т. IV: 13 об.]) или в предлоге – *з жи~~л~~ьца* [Т. II: 43], *з дву рубле~~в~~ь* [Т. II: 51]. **Ф** употребляется почти в пять раз реже **Ф** (40 и 172 употребления соответственно) и оформляет только начало слов: *Финифту* [Т. I: 8], *Фунть* [Т. I: 14], *со Спирки Фролова* [Т. II: 56], *Февраля* [Т. II: 43, 44]. Буквы же **И** и **И** являются взаимозаменяемыми в позиции после гласного в середине слова, о чем свидетельствует практически равное количество примеров их употребления: *желѢзець чюкрѢиныхъ* [Т. I: 3], *ма~~й~~я* [Т. III: 5], *Семе~~й~~кѢ* [Т. II: 28], *АндрѢико* [Т. II: 46], *въ ЕнесѢискои* [Т. V: 39 об.] и др. – *желѢзець чюкрѢиныхъ* [Т. I: 16], *ма~~й~~я* [Т. III: 5], *за~~и~~цов* [Т. V: 33 об.], *Семе~~ц~~ка* [Т. II: 40 бис], *Дмитре~~и~~ко* [Т. II: 49], *Миха~~и~~ловъ* [Т. IV: 20] и др. (49 и 62 соответственно), **И** в этом случае чаще всего является выносной.

В кузнецких документах конца века отмечено сокращение частотности и позиций употребления **С**, **Ω** также пишется реже, но, в отличие от томских источников,

не только в абсолютном начале слова: на очи ставлены [НД: 22], обыскиват [НД: 23]; на челобитной [НД: 19], кнзь Оедорь Алеѣѣвич [НД: 18]; сѣно [НД: 24], вмѣсто [НД: 76], Кирилко [НД: 91]. Но вот **О** по частотности превзошла свой аналог (222 написания, с **Ф** – 121), особенно в середине слова: Оедка [НД: 22], Стеѡан [НД: 94], юѡть [НД: 87], каѡтанов [НД: 81].

Анализ графики также показал, что сокращение слов не было застывшим явлением со строго установленными начертаниями. Хотя список титлованных лексических единиц был ограничен письменными традициями, но сами слова, отмеченные в ходе исследования, довольно свободны в выборе способа их сокращения. Состав этого перечня, равно как и само число употребления слов под титлом, к концу века сокращается.

Таким образом, синхронно-диахронный подход к изучению графического варьирования позволил выявить его конкретные черты в документах Сибири, последующий анализ которых в аспектах нормализации и идентификации неподписанных памятников обеспечил источникам повышение лингвистической содержательности.

В разделе «**Вариативность грамматических средств в языке деловых памятников Сибири**» рассматривается параллелизм морфологических форм, отраженных в источниках. Он состоит из двух подразделов, организованных по принципу предмета исследования: в первом изучаются модификации форм в именных парадигмах склонения, во втором – местоименных. Устанавливаются формы, наиболее подверженные варьированию, выявляются типы вариантов.

В подразделе «**Вариативность в системе именного склонения**» отмечается, что изменения именных парадигм русского языка в XVII в. явились продолжением грамматических процессов перестройки склонения имен существительных в единственном числе и унификации именных парадигм во множественном числе, начатых в более ранние периоды развития русского языка. Поскольку перераспределение существительных по типам склонения происходило на основе их родовой принадлежности, рассмотрение грамматического варьирования в именных склонениях ед. числа начинается параграфом «**Варьирование имен по роду**».

В сибирских памятниках родовую синонимию имеют: 1) отглагольные существительные со значением действия или его результата, где параллелями выступают формы муж. и жен. р. (*езд* – *езда*, *завод* – *завода*, *изгон* – *изгоня*, *обид* – *обида* и др.); 2) слова с конкретным предметным значением, где возможны колебания по всем родам (*десятая* – *десятое*, *колобард* – *колобарда*, *оберег* – *обереганье* – *оберегательство* – *обережь* и др.); 3) имена с суффиксами субъективной оценки на –ишко(-а), в меньшей степени – на –енко(-а), неодушевленные (*дворишко*, *деревнишко(-а)*, *шапенко*) и одушевленные (*женишко(-а)*, *есаулишко*).

Последняя группа существительных потребовала особого исследовательского внимания в силу своей широкой представленности в деловых памятниках. Это социально маркированные единицы, употребляемые для самоуничижения при обращении к лицу, находящемуся на более высокой ступени иерархической лестницы: *И вели, гсдрь, сынишка моево за мое прежнее службишко поверстать в Томском в свою гсдрку службу* [ТС: 278]. Эти же формы могут передавать значение объективно низкой оценки качества какого-либо товара.

Графический разноречивый в оформлении их окончаний (*бобришко* – *бобришка*, *сынишко* – *сынишка*) отражает колебания этих имен в роде: *таможенной головишка – головишко татарское, запасишко мой и мое*. Неустойчивость категории выражается также несогласованностью прямой и косвенных форм: *мягкая рухлядишко... с тем рухлядишком* [ТС: 247], рассогласованностью родо-падежных форм определения и имени: *за ту службишко* [ТС: 262]. Окончание таких слов ориентировано на словоизменение по образцу лексем среднего рода, а лексическое значение – по образцу склонения слов типа *воевода, жена*, что находило отражение в синонимичных формах *с женишком, с женишкою, наши женишка – женишки* и им подобных.

Вариативность имен по роду, варианты в исходных формах или основах существительных (*постель – постеля, недолиса – недолись, братина – братиня* и др.) свидетельствуют об отсутствии прочной основы грамматических преобразований, картина которых, усугубленная в сибирском регионе ситуацией сложения вторичных говоров, представлена во втором и третьем параграфах подраздела, посвященных варьированию именных падежных форм в единственном и множественном числах – соответственно.

В условиях наметившейся языковой тенденции (один род = одно склонение) наиболее серьезные колебания в образовании форм закономерно прогнозируемы для имен муж. р., представленных в грамматической системе древнерусского языка во всех 5-и склонениях и 9-и из 14-и возможных словоизменительных классов. Ярче всего в анализируемых памятниках проявился параллелизм форм так называемых полуимен (*Климко(-а), Матюшка(-о)*), а также вариантность флексий –*а/–у* в род. и –*е/–у* в мест. п. ед. ч. у ряда слов муж. р., говорящая о взаимовлиянии склонений на *-*ѡ* и *-*ѣ*.

Полуимена в языке этого периода имели две разные парадигмы: *Куземка – Куземки, Данилко – Данилка*. В сибирских памятниках делового письма первой трети XVII в. наблюдается явное преобладание форм на –*о* (*Ивашко, Михайло, Нехорошко*), изменяющихся по склонению на *-*ѡ*, что является данью письменной традиции эпохи. Это доказывается их закреплением в такой строго унифицированной части документов, как рукоприкладство. Материал показал увеличение к концу века доли антропонимов на –*а* (*Кирила, Омелька, Харька*) на фоне общего сокращения в доку-

ментах полуимен, вызванного постепенной утратой обязательности письменных этикетных норм. Распространение новых форм сопровождалось варьированием падежных форм: (дано) *Ивашку* и *Ивашке*, *Данилку* и *Данилке*.

Взаимовлияние склонений на *-*ō* и *-*ū* в формах ед. ч. отразилось в памятниках наличием разных окончаний у слов как одного грамматико-семантического класса (*хмелю* – *хлеба*, *из Тобольску* – *с Томска*), так и параллельными формами у одного слова (*от берегу* – *у берега*, *в Томске* – *в Томску*). Окончание –*у* в род. п. принимали имена муж. р. неодушевленные, преимущественно односложные (*хмель, шум, сбор, пол, снос, слух, Яр, род* и др.) или двусложные (*улус, ясак, пожар, убой, урак, полон, проезд, Тобольск*), слова более сложного состава единичны: *нашатырь, настрафиль, торочек, переговор, пересуд*.

Это следующие группы слов по значению: вещественные – с подгруппами, называющими: а) продукты питания (*пуд ураку, осмина гороху, четь ячменю*); б) ткани (*конец холсту хрящу, фунт шелку фарабату, косяк мухояру*); в) вещество (*3 пуда одеку, 10 золотников финифту, 14 ведр дехтю* и); г) неоднородное множество (*отпущено товару ... харчу и запасу, алману имать ...не будем*). Ведущим для этой группы имен является выражение количественного значения, что маркировано сочетанием этих существительных со словами, обозначающими единицы измерения (*пуд, мот, воз*), словами *много, мало*, числительными. С семантикой количества связано и обозначение временной характеристики событий, которая последовательно передается формой *году*: (*такого-то*) *году, с ... году, до ... году*.

Вторая группа слов, регулярно принимающих окончание –*у* в род. п., – отглагольные существительные с нулевым суффиксом со значением действия: *бой, грабеж, дозор, завод, наказ, опыт, отдел, пересуд, спрос, торг, уговор* и др. Обычным для этих имен является обозначение цели действия: *для отпуску Алтына царя; для приводу к шерти; для правежу пошлин*. В случаях метонимического переноса значения в этих формах может актуализироваться количественная семантика (*сносу на 20 рублей; взял посулу три рубли*), причина (*от грабежу обнищал; з голоду мерли; не от церковного расколу*) и время действия (*прежа бою; до заморозу; после побою*). Третья группа представлена нарицательными словами со значением места, вместилища, (*привел до храму; из лесу пришед*) и собственными (*до речки Юсу; из-под Красново Яру*). При этом значение принадлежности рассматривается как частный случай выражения пространственных отношений: *люди тангусково роду; нижнего базару лавошные сидельцы*.

Случаи употребления –*у* в именах одушевленных (*взято с Норугу; скоту много*) и словах ср. р. (*каменью хрусталу взять; с того торжишку и промыслишку*) в памятниках единичны. Как и имена муж. р. неодушевленные конкретной семантики, эти существительные в род. п. принимали флексии –*а*. Это же окончание могли

иметь слова муж. р. всех перечисленных выше разрядов: *четы хлеба, для берега, ис Тобольска*. Ср.: *прислать ладану и воска – пуд воску; откупных первого сроку – на два срока; без отпуска – для отпуску*. Такой параллелизм может являться локальной чертой, поскольку в московских документах XVII в. отмечено его отсутствие у слов с вещественной, локальной и отвлеченной семантикой [С.И. Котков, 1974].

Развитие вариативных форм в мест. п. вызвано теми же причинами, что и в род. п. Флексия –у в сибирских памятниках выявлена только у слов муж. р. неодушевленных со значением места – широко (*на углу; в полку; на промыслу; в Симбирску*) и времени – редко (*в вечеру*). Формы на –у в этом падеже не столь активны в документах, как в род. п., но также допускают параллелизм: *в обыске хулают – в обыску хулять; в вечеру – об вечере*.

Формы множественного числа именного склонения проявляют еще большую неустойчивость, чем формы единственного. Даже парадигма склонения на *-ā, по которой шла унификация форм мн. ч., могла испытывать влияние форм склонения на *-ō, что вело к появлению в памятниках форм типа *с грамоты, в дачех*, параллельных исконным *с грамотами, в дачах*. Синонимичные окончания в это время были возможны у существительных во всех падежах, особенно это касается имен неженского рода.

Варьирование в формах мн. ч. выразилось в памятниках как в наличии параллельных форм у одного и того же слова (*в годех – в годах, рублев – рублей, с образцы – образцами*), так и разных форм у слов одного типа основы (*с долгами – с оклады, в котлах – в тазех*) и одной формы у имен исторически различных склонений (*лошадьми – коньми, польми, на дворех – на башнех*). К концу века отмечается уже явное увеличение числа форм с новыми окончаниями.

Варьированию подвергались имена практически всех типов склонения и во всех падежах, но самые серьезные изменения наблюдаются в именах муж. р., в род. и мест. пп.; особую «живучесть» старых окончаний обнаруживают формы дат. и твор. пп. Редкие новые формы в твор. п. видятся вполне закономерными, что свойственно для делового письма XVII в. в целом, но устойчивое сохранение в дат. п. старых окончаний не согласуется с мнениями ученых, что именно с него начиналась унификация парадигмы множественного числа [В.В. Колесов, 2005].

Подраздел «**Вариативность в системе местоименного склонения**» посвящен исследованию употребления местоименных форм, претерпевших существенные трансформации в старорусский период. Целый ряд падежных форм ед. ч. в языке этого времени допускал параллелизм флексий.

Наш материал показал, что в каждой из трех проанализированных таможенных книг варьирование местоименных форм представлено индивидуально. Так, ни одна из них не показывает параллельных флексий в твор. п. ед. ч. (только *за своєю*

рукою [ТС: 267], с мѣдною оправою [К: 114], волею бжиею [Я: 113 об.]), формы на –ый/–ий слабо отражены лишь в томском источнике (аглинскій [Т. I: 6], Зубритцкій [Т. IV: 24]). Наиболее активно варьируются окончания в род. п., но в книге Кузнецкого острога – только муж. и ср., тогда как в томской и якутской – всех родов, причем в последней грамматические варианты наиболее разнообразны: того ево вышетисанного товару [Я: 66 об.], с портнаго [Я: 136]; иркуцкой покупки [Я: 46], с мяхкие рухляди [Я: 2 об.], с верху великия рѣки Лѣны [Я: 3].

Некоторые падежи местоименного склонения имели в этот период вариантные окончания и во мн. ч. Но варьирование в формах этого числа отразилось лишь в практике подъячего Кузнецкого острога (соболишка осталыя на гостинѣ дворѣ явленные [К: 60 об.]), тогда как тексты томской и якутской таможенных книг не демонстрируют колебаний во флексиях исследуемой парадигмы.

Рассмотрение вариативных языковых средств обогащает взгляд на особенности делового письма и расширяет рамки исследования, позволяя на основе выявленных разночтений в разновременных источниках проследить тенденции в формировании норм делового языка в указанный период, представленное в главе «**Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII в.: кодикологический аспект**».

Раздел «**Норма и узус**» освещает основные теоретические положения в соотношении понятий вариативности, нормы и узуса, историю изучения двух последних языковых явлений, решает вопрос о возможности применения терминов *норма* и *узус* к деловому языку XVII в.

Интерес к норме как языковой категории, диктуемый концепцией системного характера языка, активная разработка ее теории происходит в послесословный период. Диалектичная природа данного феномена предполагает одновременную статичность и динамичность нормы, неравномерно проявляющиеся на разных этапах эволюции языка и в различных сферах его применения [Л.А. Глинкина, 1985].

Многие ученые главенствующую роль в сложении русского литературного языка отводят приказному письму, так как формирование нации, обуславливавшее развитие языка, «происходило в <...> сфере разносторонних деловых отношений» [С.И. Котков, 1980]. При этом деловой язык характеризуется как сложное единство, в котором одновременно отмечаются общерусские нормы, свойственные всем документам Московского государства, и местные традиции, устойчиво сохранявшиеся на периферии. Это два разных стабилизатора языка: норма ориентирована на перспективу, развитие языковой системы, а традиции – на ретроспективу, преемственность в процессах ее эволюции [Л.Г. Панин, 1995]. Следствием их проявления стало широкое варьирование делового языка на всей территории Российского государства. В результате взаимодействия ареальных языковых особенностей с общерусскими

элементами образуется региональный узус делового языка XVII в., который воплощается в вариативности языковых единиц местных памятников письменности. Таким образом, узус расшатывает норму и является основой для ее трансформации. Данное видение вытекает из исторической динамики нормы и узуса, где норма трактуется как «совокупность устойчивых языковых реализаций» [М.В. Овчинникова, 2008], а узус – как принятые речевые и письменные навыки определенной социальной группы, территории.

Перспективность исследования нормы на основе теории вариантности очевидна в силу генетической взаимосвязанности этих явлений, и если характер вариантности определяет специфику норм языка, то именно норма устанавливает число и типы допустимых вариантов, а также регулирует их употребление [Н.Н. Семенюк, 1965]. При этом норма может изучаться как в собственно теоретическом плане, так и при решении практических задач – выявлении особенностей в сложении норм какого-либо языкового уровня или какой-либо разновидности языка в целом, в том числе локально ограниченных, как это представлено в следующих разделах настоящей работы.

В разделе «Тенденции в формировании норм в сфере графики» на графическом уровне делового письма прослежены процессы, отражающие изменение практики использования парных букв и традиций сокращения слов.

Следующая таблица отражает динамику графической дублетности в сибирских документах XVII в.

Таблица 1. Использование дублетных букв

Дублетные буквы	1-я треть XVII в., Томск		3-я треть XVII в., Кузнецк	
	абсолют. кол-во	кол-во в %	абсолют. кол-во	кол-во в %
С	158	17%	164	12%
З	765	83%	1191	88%
Ө	40	19%	222	65%
Ф	172	81%	121	35%
Ω	61	1%	231	3%
О	5729	99%	7830	97%
І	463	12%	556	8%
И	3391	88%	6443	92%
Ъ	548	57%	782	53%
Е	397 (+23 И)	43%	665 (+13 И)	47%

В условиях консерватизма приказного языка уже можно говорить о наметившейся тенденции к преодолению графической дублетности, закрепляющей в практике письма одну из парных букв: преобладающее распространение получают, за исключением Ө, присутствующие в современной кириллице знаки. Кроме того, вы-

является тенденция распределения позиций в слове за парными графемами, особенно явно она проявляется в закреплении **І** за началом лексем. Увеличение количества вариантов в сокращении слов, распространение у ранее сокращаемых единиц полнобуквенных вариантов и развитие титлованных написаний у слов, в начале века употреблявшихся только в полном начертании, бессистемный характер их использования указывают на расшатывание традиций в принципах написания слов в скорописи, подготовивших реформы графики начала XVIII в.

Раздел «Тенденции в формировании норм в системе именного склонения» посвящен выявлению закономерностей в сложении единой парадигмы в единственном и во множественном числе у имен.

К числу ярких черт именного словоизменения следует отнести преодоление родовой синонимии у существительных с суффиксами субъективной оценки, что особенно заметно проявится в именах одушевленных: они получают грамматическое оформление, соответствующее своей семантике. По нашим данным, во второй половине XVII в. число подобных форм резко сократится в связи с отмиранием этикетной нормы, требующей самоуничтожения, а переобразование категории рода у них выразится в формах род. п. мн. ч.: *двадцат исподишков тупчатых и лапчатых ...и триста сорок лапишекъ лисьих* [РГАДА, ф. 214, кн. 305: 78 об.] – в соответствии с родом производящих.

Сибирские памятники показывают, что противоборство формы и содержания приведет к аналогичным изменениям и в полуименах. Так, на этапе сокращения их количества в документах произойдет дифференциация форм: флексия –о закрепится за неканоническими именами (*Буянко, Любимко, Негодяйко*), обычно трех- и четырехсложными, тогда как –а – за христианскими, чаще двусложными (*Левка, Савка, Тренька*). К началу XVIII в. они волеются в склонение на *-ā.

Перестройка типов склонения в ед. ч. в связи с их перегруппировкой проявилась в варьировании форм род. и мест. пп. слов муж. р., обусловленном взаимодействием парадигм разных типов склонений. Достаточно четкое распределение флексий –а и –у за разными группами имен свидетельствует о проявлении тенденции преодоления грамматической синонимии за счет семантической дифференциации форм, напр.: *ранен из лука* [ТС: 136] – *много... и чесноку, и луку...* [РК: 81].

Так, образование род. п. существительными ср. р. только с окончанием –а/–я, невовлечение в варьирование имен одушевленных муж. р., для которых эта категория является лексической, свидетельствует о семантической противопоставленности форм на –у именам других родов. Отсюда флексию –у в род. п. можно рассматривать не только как показатель муж. р., но и более узко – как один из показателей не-

личных имен муж. р. Ср.: *Мугалского языку не умеют* [ТС: 108] и *И того языка пытали* [ТС: 131] – в вин. п.

В формах на –у также грамматикализована семантика неисчисляемости, поскольку выявленные группы слов не образуют коррелятов по числу без изменения значения. Данное противопоставление реализуется в документах наиболее последовательно: *перевес того хмеля... пуд хмелю* [ТС:178]. Или: *И с того суда... пересуду и правот* [ТС:182]. Партитивное значение, наиболее позднее [М.В. Шульга, 1988], выявляется в самостоятельном употреблении таких форм, без счетных единиц: *напасено пороху; продала мыла и щелоку; прощать ясаку*. Пространственная же семантика формами на –у отражается непоследовательно, поскольку в памятниках встречается *с берега* и *от берегу, из Нарыму* и *из Нарыма*, что может быть связано с возможностью нарицательных имен изменяться по числам.

Возникнув в разговорном языке, формы на –у стали письменной нормой и для ряда имен (прежде всего с ударным окончанием) в мест. п. при выражении ими локальной семантики: *на яру, в верху, в полку*. Объектные значения выражались формами на –е: *об отпуске с Тары, грамота о приверсте, увечен об одном глазе*. Они же обычно выражали и семантику места, что подтверждает слабую зависимость данного значения от грамматической формы имени.

Именная парадигма демонстрирует тенденцию к унификации склонения во мн. ч. При этом наименьшую активность в подравнивании окончаний обнаруживают формы им.–вин. пп. муж. р., которые последовательно продолжают принимать окончания –ы/–и (*хвосты, снеги*), в том числе при именовании парных предметов (*береги, чулки*). Но универсализация показателя неединственности (–а) уже проявлена в некоторых именах (*леса, рукава*), наиболее регулярно – с оценочными суффиксами: *дворишка, крестьянишка, деньжонка*. Факты варьирования в формах прямых падежей (*дней – ден, людям – людям, с хвосты – с хвостами, в годех – годях*) свидетельствуют о продолжающемся взаимовлиянии склонений.

В целом нивелировка первоначальных типов склонения во мн. ч. в сибирских памятниках характеризовалась неравномерностью и неоднородностью направления развития форм: особый консерватизм проявлял твор. п., в дат. п. отмечен явный возврат к архаичным флексиям к концу века. Факт архаики форм становится показателем официальной стилистики документа: они воспринимаются как более правильные для делового письма, что обуславливает их употребление в документах сношения с метрополией, вообще адресованных памятниках – при обращении к вышестоящим лицам, в наиболее формализованных частях текстов.

Материал проанализированных сибирских памятников выявил не только параллелизм падежных флексий, но и достаточно четко выраженный хронологический

характер грамматического варьирования в местоименном склонении, представленном в следующем разделе. Становление парадигмы проявилось в сосуществовании форм, постепенном утверждении какой-либо одной из них в качестве ведущей, закрепляемой складывающимися нормами правописания. Данный процесс сопровождался также стилистическим размежеванием вариантных форм.

Проанализированный материал дает основания утверждать, что в деловом языке XVII в. в им.–вин. пп. муж. р. ед. ч. господствовала местоименная флексия –ой/–ей. На стилистическую маркированность форм на –ый/–ий указывает употребление последних при титуловании царя и царевичей: *Милосердый гсдарь, црь і великий кнзь ... і гсдарь благовѣрный царевичь и великий кнзь*, 1672 г., Кузнецк [НД: 17–18]. Данный факт есть безусловное свидетельство проявления книжного влияния на деловой язык XVII в..

Распределение флексий род. п. муж. и ср. р. в книгах представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Местоименное склонение. Родительный падеж

Окончание	Памятник письменности		
	Томская книга, 1624–1625, 1627 гг.	Кузнецкая книга, 1698–1699 гг.	Якутская книга, 1700 г.
–ого/–его	16%	63%	94%
–аго/–яго	4%	36%	5%
–ово/–сво	80%	1%	1%

Предпочтительность употребления флексии –ого/–его и –ой/–ей указывает на завершение процесса формирования общенациональных правописательных норм в деловом письме, а орфоэпические сложились еще раньше. Анализ выявил и факт влияния на деловой язык морфологической системы церковнославянского языка: закрепление в нем, вплоть до реформы 1917 г., флексий –аго/–яго, –ыя/–ия явится результатом последующей сознательной нормализаторской политики.

Рассмотрение местоименной парадигмы ед. ч. на материале делового письма Сибири показало, что ряд падежных форм допускает вариативность. Наиболее разнообразны при этом были формы род. п. всех родов, но именно в них процесс сложения как произносительных, так и норм правописания является завершенным или близким к тому.

Томские и якутская книги показывают уже сформированную систему словоизменения местоименных форм во мн. ч., имеющими универсальный показатель множественности: *новых, новым, новыми*. Кузнецкая же книга в им.–вин. и твор. пп. фиксирует вариантные флексии: наряду с новыми окончаниями –ые/–ие, –ыми/–ими отмечаются и формы с флексиями –ыя/–ия, –ыма/–има, первая из которых является

традиционной для церковнославянского языка, а вторая – исконной для форм дв. ч. дат.–твор. пп. Между тем этот параллелизм форм не противоречит общерусской тенденции к унификации парадигмы местоименного склонения, а лишь доказывает участие церковнославянского языка в сложении письменных норм.

Таким образом, если грамматическое варьирование именных форм было обусловлено фактом взаимовлияния объединяющихся исконных склонений, то параллелизм местоименных форм был вызван влиянием на деловое письмо как стихии живой разговорной речи, так и традиций церковнославянской практики. Во всех случаях преодоление вариантности шло за счет утраты одной из форм, семантического или стилистического размежевания форм.

В заключение следует признать справедливость утверждения, что в процессе нормализации литературного языка России, то есть в кодификации сознательно фиксируемых норм, деловой язык сыграл определяющую роль.

Третья глава «Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII в.: идентификационный аспект» посвящена разработке методики авторизации анонимных памятников на основе выявленных в документах особенностей индивидуальной писцовой практики.

В разделе **«Авторизованность памятника как фактор повышения его лингвистической информативности»** обосновывается необходимость и перспективность создания идентификационной методики на основе изучения варьирующихся языковых единиц.

Для восстановления картины развития языка на разных его этапах по письменным данным следует учитывать ряд обстоятельств создания последних: время, место, оригинальный или переводной характер памятника и некоторые другие. В числе важнейших – определение автора или исполнителя записей и его социолингвистических характеристик, проявленных на письме: носителем какого типа говора он является, какова степень его выучки и прочее, поскольку анонимный характер значительной части древне- и старорусских памятников, безусловно, снижает информативные возможности источников.

Лингвистическое изучение памятников опирается сегодня, как правило, на почерковедческие исследования, что не всегда приводит к верным выводам, так как изменение характера письма может вызываться комплексом причин экстралингвистического характера: сменой пера, чернил, перерывом в работе писца, его недомоганием и т.п. Большими верификационными возможностями обладают собственно языковые черты текстов, на что в последние годы обращается пристальное внимание ученых [А.А. Гиппиус, 2006]. Наличие индивидуального начала в отборе языковых средств, особенностях использования шаблонов документов, принадлежащих

перу одного писца, послужило основой создания методики идентификации анонимных документов на основе учета варьируемых в текстах языковых элементов.

Раздел «**Этапы методики авторизации неподписанных памятников**» представляет последовательность исследовательских шагов при идентификации анонимных источников. Материалом для разработки методики авторизации памятников послужили тексты 84-х грамот Кузнецкого острога, опубликованные по правилам лингвистического издания в сборнике «Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах НБ ТГУ. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 155 с.» [НД]. Это жанры делового письма: проезжие грамоты, отписки, росписи товаров, их хронологические рамки: март 1672 – июнь 1689 гг., четыре последних документа – 1702–1703 гг. 43 памятника из собрания документов имеют указание на подъячих: 20 дел написаны Матвеем Шабалиным, 21 – Захаром Федоровым и 2 – Захаром Третьяковым, исполнители записей остальных дел (41) не указаны.

Первый этап авторизации неподписанных источников предполагает выявление индивидуальных языковых черт (в том числе варьирующихся) подъячих, отраженных в их письменной практике. Личность исполнителя документов проявилась в отражении на письме его произносительных особенностей, в пристрастном отборе графических средств, тяготении к определенным грамматическим формам, обусловленных традициями его выучки. Так, М. Шабалин не использует букв *ѣ*, *Ѡ*, *Ѣ*, тогда как для З. Федорова это дублетные знаки: *АлеѣѢя* – *Алексея*, *Ѡунтов* – *фунтов*, *взятоѣ* – *взято*. Первый подъячий в мест. п. мн. ч. имен существительных использует два типа флексий (–*ах/–ях*, –*ех*), а второй – только –*ах/–ях* и т.д.

В работе рассматриваются параллельные написания, отражающие индивидуальное варьирование разных языковых средств: графических (*хмель* – *хмѢль*, *отца* – *Ѡтца*, *Иван* – *Иванов* и др.), фонетических (*сидѣлец* – *сидѢлец*, в *таможнѣ* – *тамошнѣ*, *торговой* – *торѣговой* и под.), морфологических (*Томского городу* – *Томского города*; *трицѣтъ пуд* – *пят Ѡунтов*, на *конѣх* – в *прошлых годѣх*, с *хвостѣ* – с *хвостами*; *привезѣ* – *привез* и др.), устанавливаются синонимические замены (*десятая имана* – *десятая взята*, *две расамаки плохих* – *две росамачишки*, *рублевая пошлина* – *порублевая пошлина* и т. п.). Описание разнообразных вариативных средств призвано более полно охарактеризовать особенности манеры письма подъячих.

Более широкая вариативность отмечена в писцовой практике З. Федорова, что проявилось в свободном употреблении им графических и номинативных параллельных средств, разностилевых грамматических форм. Таким образом, есть основания

утверждать, что личность пишущего проявляется и в жанрах делового письма, в том числе и в наиболее формализованных частях текстов – зачинах и концовках.

Второй этап методики предполагает сопоставительную характеристику отмеченных особенностей письма подъячих, выявление ярких противопоставленных черт, которые могут лечь в основу идентификации. С целью установления руки писца в анонимных памятниках из документов Кузнецкой таможенной избы были выбраны наиболее часто варьирующиеся единицы, которые оформлены в виде таблиц, фрагменты которых представлены ниже в сводной Таблице 3²:

Таблица 3. Варьирующиеся единицы

Матвей Шабалин	Захар Федоров
году (9) – го ~~ду~~ (1) – го ~~да~~ (10)	году (18) – го ~~да~~ (2)
де ~~н~~ (8) – де ~~н~~ (6) – де ~~нь~~ (1) – де ~~нь~~ (1) – де ~~нь~~ (1) – де ~~н~~ (1)	де ~~нь~~ (16)
ро ~~сп~~ ис (40)	ро ~~сп~~ ись (14) – ро ~~сп~~ ис (13) – ро ~~сы~~ пис (3)
по вел ~~ѣ~~ нию (17) – по велению (2)	по велению (16) – по в ~~ѣ~~ лению (2)
его (11)	ево (29)
кузнецкой (40) – кузнеской (2)	кузнецкой (48) – кузнецкой (1)
целовалник (35) – цаловалник (1)	цаловалник (18)
сѣ ~~ѣ~~ жая (1) – сѣ ~~ѣ~~ жая (18)	се ~~ѣ~~ жая (2) – сѣ ~~ѣ~~ жая (1) – сѣ ~~ѣ~~ жая (6)
сидилец (5) – сиделиц (1)	сиделец (1) – седелца (1)
десет (13) – десят (5)	десят (21)
пят– (30) – петдесят (1)	пят– (16) – пети/петнацат (18)
априля (1) – апреля (7)	апреля (9) – апрѣля (1)
двацет/двацет (47) – двацат (1)	двацат (67) – двацать (1)
Род. п. ед. ч. жен. р.: той	той, тоя, тая, тое

Третий этап методики предполагает поиск в анонимных памятниках выявленных у подъячих языковых черт.

В значительной степени определению руке Матвея Шабалина отнесено четыре документа: №№ 54, 60, 77, 79, десять дел – письму Захара Федорова: №№ 65, 73, 80, 85, 89, 102, 103, 105, 109, 110. Технология данного процесса демонстрируется в работе на примере идентифицированных документов.

Так, в деле № 54 встречаются написания, которые допускаются и М. Шабалиным, и З. Федоровым: *пятнацатое, апреля, хмелю*, но формы *Кузнецкого*,

² В скобках указано количество употреблений форм, полужирным шрифтом выделены сопоставляемые элементы, курсивом обозначены выносные буквы, подчеркиванием – восстановленные.

с *Бзжся*, *двацет* пишет только первый из них, поэтому документ приписываем его авторству. Дополнительным аргументом, подтверждающим данную точку зрения, являются написания слов *году* (в строке) и *день* (с выносной –н), допускаемые лишь этим писцом.

В тексте № 80 встречаем написание *сидБлец*, которое не зафиксировано ни в одном из подписанных документов, а форма *вешных* допускается обоими писцами. Но только З. Федоров пишет *по кузнецкой*, –*цат* (*тритцат*, *пятнатцат*) и флексию –*ья* в им.-вин. пп. мн. ч. местоименного склонения (*печатных*). Употребление буквы *S* (*всѣты*) и местоимения в форме *ево* также подтверждают это мнение и позволяют отнести документ перу второго подъячего.

Исследование феномена языкового варьирования и методика авторизации памятников взаимобразно способствуют результативности лингвистических исследований: не только первое служит основанием второго, но и возможности изучения универсальной категории вариативности значительно увеличиваются в идентифицированных источниках, поскольку интерпретационный потенциал разночтений в таких текстах возрастает существенным образом. Следовательно, идентификация памятников служит целям повышения информативных возможностей письменных памятников, что открывает новые научные горизонты в изучении истории сложения языковой системы.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения явления варьирования на материале сибирской деловой письменности.

XVII век, по праву признанный наиболее значимым периодом в истории русского языка, ознаменовался насыщенностью и важностью языковых перемен, подготовивших сложение русских национальных языковых норм. И хотя способность к модификации проявляется на всех этапах развития языка, в переходные периоды, каким явился XVII в. для русской истории и русского языка, этот показатель повышается значительным образом. Вариативность формальных средств для выражения той или иной семантики носила общерусский характер и отражалась на всех сторонах письменной формы языка, начиная с графики и заканчивая синтаксисом. Рассмотренные в настоящем исследовании материалы показали, что наиболее стандартизированные документы регистрационного типа (приходные, расходные, таможенные книги) демонстрируют вариативность прежде всего средств графики и морфологии (именных частей речи). Их привлечение к анализу языковой вариативности требует соблюдения определенных ограничений отбора, выработанных в ходе данного исследования.

Периферийные памятники письменности позволили выявить локальные черты в общерусских процессах сложения национального языка в условиях параллелизма языковых средств. К ним могут быть отнесены следующие морфологические особенности сибирских говоров: семантическая дифференциация флексий в род .п. е. ч. у имен муж. рода, отсутствие редукции в окончании твор. п. ед. числа жен. рода, устойчивое сохранение исконных флексий в дат. п. мн. числа – в именной парадигме, повсеместное распространение форм на –ой/–ей в им.–вин. пп. муж. р. – в местоименной. Выявленные в памятниках черты индивидуальной вариативности легли в основу разработанных в исследовании приемов авторизации неподписанных документов.

Создавшаяся формальная дублетность преодолевалась постепенным вытеснением одного из языковых средств (например, в случае с парными буквами, грамматическим оформлением имен с суффиксами субъективной оценки), стилистическим (формы местоименного склонения) или же семантическим размежеванием (формы род. п. ед. числа муж. р.). Это не был прямолинейно и равномерно развивающийся процесс, что выражалось возвратом в языковую систему утрачивающихся форм с последующей корректировкой их «сферы влияния». Например, некоторые исконные грамматические формы, в силу своей архаичности, воспринимали стилистические функции книжных церковнославянских форм. Таким образом, гибкая стабильность языковой системы обеспечивается сменой одних формальных модификаций другими, что свидетельствует об универсальном характере данного качества языковой системы и обуславливает постоянный исследовательский интерес к нему.

Дальнейшее изучение вариативности в языке сибирской деловой письменности XVII в. может быть углублено сравнением разночтений в различных жанровых типах памятников, расширением источниковедческой базы и хронологических рамок работы.

Перечень опубликованных по теме диссертации работ:

В ведущих рецензируемых научных изданиях:

1. Инютина, Т.С. Понятие нормы делового языка в свете теории варьирования / Т.С. Инютина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 308. – С. 19–23.

В других изданиях:

1. Инютина, Т.С. О графических особенностях текстов одного писца (на материале томских деловых памятников XVII века) / Т.С. Инютина // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. – С. 132–134.

2. Инютина, Т.С. Графические варианты в деловых текстах одного писца XVII в. / Т.С. Инютина // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи : сб. статей Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф. : в 3 т. – Соликамск, 2004. – Т. 2. – С. 77–81.

3. Инютина, Т.С. Об одном из аспектов изучения явления варьирования (на материале Кузнецких грамот XVII века) / Т.С. Инютина // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики / под ред. А.А. Казакова. – Томск : Издание ТГУ, 2004. – Вып. 5. – Ч. 2: Лингвистика. – С. 53–55.

4. Инютина, Т.С. Разночтения в памятниках сибирского делового письма / Т.С. Инютина // Материалы XLIII Междунар. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск, 2005. – С. 112–114.

5. Инютина, Т.С. Отражение становления орфографических норм в томской деловой письменности первой трети XVII в. / Т.С. Инютина // IX Всеросс. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2005 г.): Материалы конференции: в 6 т. Т. 2. Ч. 1: Филология. – Томск: Издательство Томского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 242–247.

6. Инютина, Т.С. Нормализация в области именного склонения (на материале сибирских деловых памятников XVII века) / Т.С. Инютина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых 21–22 апреля 2006 г. / Под ред. Н.А. Чижик. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – Вып. 7, ч. 1 : Лингвистика. – С. 34–38.

7. Инютина, Т.С. Один из приемов авторизации анонимных памятников старорусского письма / Т.С. Инютина // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О.И. Блиновой / отв. ред. Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – Вып 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 554–559.

8. Инютина, Т.С. О возможности изучения фонетических явлений на материале деловой письменности XVII века / Т.С. Инютина // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Актуальные проблемы современной русистики». – 2006. – № 74. – С. 31–37.

9. Инютина, Т.С. Унификация местоименных форм в сибирской деловой письменности XVII века / Т.С. Инютина // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. – Бийск, 2006. – С. 418–424.

10. Инютина, Т.С. Явление варьирования в деловом языке XVII века и аспекты его изучения (на материале сибирской письменности) / Т.С. Инютина // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной инфор-

мации «Русский язык: системный и функциональный аспекты». – 2006. – № 111. – С. 44–49.

11. Инютина, Т.С. Отражение общеязыковых процессов в практике отдельного подъячего / Т.С. Инютина // Язык, литература и культура в региональном пространстве : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора И.А. Воробьевой. Барнаул, 3–7 октября 2007 г. / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 183–187.

12. Инютина, Т.С. Формирование единой именной парадигмы во множественном числе (на материале сибирской деловой письменности XVII века) / Т.С. Инютина // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии : материалы XII филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1928–1995) / отв. ред. Б.Я. Шарифуллин; ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Институт естественных и гуманитарных наук. – Красноярск, 2007. – Вып. 7. – С. 183–188.

13. Инютина, Т.С. Принципы отбора материала для диахронных исследований феномена варьирования / Т.С. Инютина // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии : межвуз. сборник науч. трудов : в 3 ч. / отв. ред. Е.В. Рябцева. – Тамбов : Грамота, 2007. – Ч. 2. – С. 129–131.

14. Инютина, Т.С. Таможенные книги как источник для изучения варьирования (на материале сибирской деловой письменности XVII века) / Т.С. Инютина // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение : труды и материалы Междунар. науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.) / Казан. гос. ун-т; Ин-т языкознания РАН; Ин-т лингвист. исслед. РАН / под общ. ред. К.Р. Галиуллиной, Г.А. Николаева. – Казань, 2007. – Т. 1. – С. 139–141.

15. Инютина, Т.С. О перспективах расширения источниковедческой базы для историко-вариантологических исследований / Т.С. Инютина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы VIII Всеросс. науч.-практ. конф. молодых ученых 27–28 апреля 2007 г. / под ред. Н.А. Тихоновой. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – Вып. 8, ч. 2 : Лингвистика. – С. 59–62.

16. Инютина, Т.С. Перестройка именного склонения во множественном числе (на материале памятников томской деловой письменности XVII в.) / Т.С. Инютина // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию д-ра филол. наук, профессора Е.Н. Поляковой (г. Пермь, 27–29 ноября 2007 г.) / сост. О.В. Гордеева; отв. ред. Т.А. Сироткина; Пермский гос. пед. ун-т. – Пермь, 2007. – С. 150–155.

10—

Тираж 100 экз.
Отпечатано в КЦ «Позитив»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а